

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.4.1>

УДК 33(091)“11”:314.6

ББК 65.03(2)4

ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РУССКОЙ ПРАВДЕ

Олег Васильевич Иншаков

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор НИИ социально-экономического развития региона,
Волгоградский государственный университет
interes@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Проблемы сохранения и обеспечения условий расширенного воспроизводства семьи как базовой ячейки общества остаются актуальными в политике российского государства в течение тысячелетия. Важный пример этому дает Русская Правда, в которой с начала XI в. были зафиксированы и развивались нормы, отражающие согласование интересов институтов государства и семьи. Эволюция этого документа на протяжении столетия от Русской Правды Ярослава (не ранее 1016 г.) до Русской Правды Ярославичей (около 1072 г.) и позднее раскрывает изменение статуса, значения и роли малой семьи в период перехода от язычества к христианству, укрепление рациональных основ хозяйства, ослабление родовых связей в рамках больших семей, отказ от устаревших форм института брака.

При анализе норм Русской Правды проявляется системная сложность семьи как института, образующегося из комбинации множества специфичных институций в рамках организации этой первичной группы общества. В системе семейных отношений целесообразно выделение институций разных уровней, которые реализуются ее членами, закреплены в их статусах, обеспечивают ее сохранность, способствуют устойчивому и расширенному воспроизводству.

Эволюция Русской Правды проявляет осознание возрастающего значения воспроизводства семьи для сохранения качества и количества народа как естественной и социальной основы государства, как решающего фактора укрепления Древней Руси. Защита членов и имущества малой семьи постепенно, под давлением сложных общественных процессов становится приоритетом государственной политики.

Русская Правда обладает значительным эвристическим потенциалом для системного институционального анализа состава и структуры, функций и форм семьи в Древней Руси XI века. Проведение системных институциональных исследований се-

мы в древнерусском обществе предполагает расширение использования междисциплинарного подхода и применение методологии универсального эволюционизма.

Ключевые слова: Русская Правда, институт семьи, институциональное регулирование, домашнее хозяйство, воспроизводство, сохранение народа.

Введение

Закономерно, что в год тысячелетия Русской Правды в своем Послании Федеральному собранию президент России В. Путин подчеркнул: «Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры» [8].

Целостность общества в России сегодня, как и 1000 лет назад, прежде всего, зависит от целостности и потенциала его первичной ячейки – семьи. В этом качестве институт семьи (не всегда непосредственно и в явной форме) присутствует в контексте важнейших статей Русской Правды. В развитии норм, процедур, правил и алгоритмов регулирования древнерусским государством отношений семьи отражается ее эволюция как социального института.

До настоящего времени в институциональных исследованиях все же недостаточно внимания уделялось имущественным основам, рациональному разделению функций и проблемам регулирования воспроизводства семейного строя Древней Руси. Однако, подвергая современным методам анализа письменные и археологические источники, ученым все же удается продвигаться и делать некоторые новые выводы, касающиеся эволюции экономических отношений в семье в институциональном аспекте. Каково состояние института семьи в Древней Руси начала XI в., почему в Русской Правде обращено особое внимание на ее сохранность, жизнедеятельность, социально-экономическое положение, устойчивость ее воспроизводства?

Институциональная системность семьи

В обыденном сознании семья – «ячейка общества», но этот сложный социальный орга-

низм рождает, строит, сохраняет, отражает и развивает все общество. Научное понятие семьи не только результат сложного синтеза многих определений, но и процесс, в котором эволюционно отражается ее онтогенез и филогенез.

Семья – первичная форма человеческой общности, целевая групповая форма организации и воспроизводства общества, основанная на отношениях (институциях) супружества, семейства и родства между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и иными родственниками, живущими вместе и ведущими совместно домашнее хозяйство на основе единого семейного бюджета. В семье человек реализует свои институции существа, свойства и средства как общественный индивид или субъектный элемент общества. По определению Ч. Кули, к первичным следует относить «группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством» [5, с. 328]. Эта первичность изначально системна и проявляется в разных аспектах семьи, но главное в них – единство репродукции родителей в потомстве новых поколений с репродукцией и эволюцией общества посредством культивации и социализации этого потомства.

Семья не только малая социальная группа, но и важнейший социальный институт, поскольку каждый член общества имеет к ней отношение и является носителем связанной с ней системы статусов, обусловленных множеством социальных форм его семейных позиций и функций, которые являются институциями [2]. Эти статусы группируются и проявляются в рамках персонифицированных дихотомий и симметрий (холост – супруг, женат – замужем, отец – мать, родитель – ребенок, брат – сестра, вдовец – вдова и т. д.), а их нарушение порождает социальные асимметрии и диспропорции в общественном теле и духе. Таким образом, каждый человек неизбежно имеет единичное отношение ко всеобщему институту семьи, чем формирует свой частный семейный статус для других.

Главный смысл семьи определяет элементы ее бытия, которые являются релевантными по отношению к ней и детерминируют основу ее типизации и идентификации, спецификации и индивидуализации. Системность института семьи обусловливается целостностью и сложностью формирующих ее институций и организаций [3]. Как первичная социальная группа семья системна, поскольку всегда (независимо от параметров пространства и времени) выделяется из среды общества. Во-первых, в своей целостности она функциональна, поскольку взаимодействует со средой для реализации системной цели, что проявляется посредством ее институций. Во-вторых, она обладает адекватной своей природе и цели структурой, а также специфичной организацией. Неразрывное единство многообразия институций и организаций семьи делает ее, с одной стороны, общественным институтом, а с другой – выделяет в ней необходимые органы устойчивого функционирования.

Ядро института семьи, как становится понятным в ориентированной на предмет исследования выборке словоформ, оканчивающихся на «-ство» из обратного словника к словарю древнерусского языка XI–XIV вв. [6, с. 179–184], составляли институции: супружество, женство, мужество, материнство, отцовство, рождество, чадство, родительство, детство, мальство, младенчество, сыновство, братство, сестринство, потомство и др. Эти базовые институции формировали и базовые статусы семьи, наделяя их носителей нормами и правилами поведения. В периферии вокруг ядра, по мере удаления от него, сначала формируются институции ближнего семейного окружения – родство, сродство, братство, сестринство, дедовство, свойство, пасынство, внуковство и др. Затем образуются более удаленные от ядра, в значительной степени сознательно избранные, институции обрядового круга (часто прежде языческие, но сохраненные в христианстве) – сватовство, сиротство, побратимство, кумовство и др. Еще дальше располагаются более случайные, чем выборные институции, имеющие немалое значение для семьи – соседство и др.

Пространство институций семьи разворачивается в разных направлениях, становится все более многомерным, в этом процессе раз-

вивается иерархия и гетерархия функций ее членов, что особенно проявляется в переходных состояниях и процедурах, направленных на максимально возможное сохранение ее членов и потенциала их воспроизводства в будущем.

В институциональном анализе семьи Древней Руси как системы целесообразно выделять два обобщенных уровня детерминации: внешние общественные институции ее среды, определяющие тип, класс и порядок формирования семьи, и внутренние родовые и видовые институции, раскрывающие структурно-функциональную вариативность линий, форм и фракций ее членов.

Эволюционный тренд исторических исследований института семьи Древней Руси

Наибольшее внимание исследователей было сфокусировано на институте семьи языческой и христианской эпох, но «за кадром» долго оставалась семья переходного между ними периода, который как раз и пришелся на время создания Русской Правды. Начало изучения семейных отношений в Древней Руси было положено в первой половине XIX в. Н.М. Карамзиным, который раскрывал разные стороны становления института брака [4, с. 65–66, 220]. Позднее, с 30-х гг. XIX в., изучение института брака в Древней Руси получило развитие в историко-правовой школе, представители которой, И.Ф. Эверс и А.М. Рейц, в основном раскрывали способы его формирования в дохристианский и более поздний периоды [10; 17].

В последующий период изучение имущественных основ и следствий, содержания и форм, структуры и функций института древнерусской семьи стало предметом исследований многих российских историков и правоведов разных времен, но ученые-экономисты обращали мало внимания на эту область. Существенным плюсом современных исследований института семьи в Древней Руси стал выход за границы предметов истории и права, переход к междисциплинарности, расширение социальных аспектов (культура и религия, этика и эстетика, право и быт, ритуалы и секс, др.) научных трудов [7; 9]. Однако экономи-

ческие основы семьи этого периода еще не стали в нужной мере предметом исследований отечественных представителей эволюционной и институциональной экономики.

Очевидно, что интерес к институту семьи и системе формирующих его институций и организаций в Древней Руси должен расти с утверждением эволюционного подхода в исследовании российского общества. Тем более, что предмет далеко не исчерпан: системного исследования института семьи при максимально доступном круге источников по истории древнерусской семьи пока не появилось. Более того, семья времен Русской Правды часто продолжает рассматриваться формально, без содержательного анализа экзогенных и эндогенных факторов ее переходного состояния и развития.

Воспринимая концепцию переходных процессов в древнерусском обществе И.Я. Фроянова, можно выделить три этапа в развитии древнерусского института семьи: языческий (обычный), переходный (кровно-договорной) и христианский (церковно-правовой). Христианизация брака и семьи все же проходила очень медленно, противоречиво и трудно.

В Древней Руси известны два основных типа семьи с переходными формами между ними. Малая семья, состоявшая из супругов и их детей, еще не вступивших в брак, жила в отдельном небольшом доме, имела свое хозяйство и была первичным производственным коллективом. Наряду с ней существовала и большая семья, или «род», включающая обширную периферию семейных институций. Эта семья состояла из 3–5 поколений родственников по прямой и боковой линиям.

Малая семья постепенно обособлялась из состава большой семьи (рода). Возникновение ее было вызвано повышением производительности труда и достаточной рентабельностью небольшого хозяйства. Но малая семья оказывалась менее стойкой в борьбе с силами природы, в социальных столкновениях с более зажиточными и сильными семьями, а также с властью формировавшегося феодального государства, облагавшего население данями, судебными штрафами и пошлинами.

Роль института большой семьи в переходном древнерусском обществе не совсем ясна. Члены большой семьи были связаны

между собой общностью политических и имущественных прав, например, наследования выморочного (без прямых наследников) имущества; права наказания убийцы (это право было позднее отнято государственной властью). Большая семья была экзогамна: между ее членами, даже троюродными братьями и сестрами, были запрещены браки. Члены большой семьи не обязательно жили под одной кровлей. Но трудно проследить роль этой семьи как производственного коллектива. В таком качестве она выступала прежде всего там, где жители, переселившиеся со старых земледельческих территорий на новые, лесные, были вынуждены первоначально осваивать эти земли большими коллективами.

Большие семьи, утратив хозяйственный характер, все же выполняли некоторые важные регулятивные функции. Этот институт охранял родовые связи, поддерживал права и обязанности родственников и соседей, их обычаи, связь поколений и сохранял культурные традиции. С ослаблением больших семей и усилением малых приходила более рациональная форма воспроизводства пока еще слабой основной ячейки общества. Она была основана на принципах устойчивости и сохранения членов малых семей, что соответствовало экономическим и политическим интересам как семьи, так и государства.

Следует признать, что именно вторая половина X – начало XI в. оказались «временем, когда завершался распад родоплеменного строя у восточных славян», что подтверждается и текстами Русской Правды [12], использованными в этой статье. Нарастание новых тенденций шло медленно и постепенно, «солидарность и защита со стороны родовых групп стала давать серьезные сбои» [14, с. 165]. Нормы права древнерусского государства двойственно регулировали отношения внутри малой и большой семьи, а также отношения их членов с общинами и государством. С развитием классового строя, усилением раннефеодального государства рядом со старыми общественными группами возникали новые, ставшие хорошо известными уже в феодальный период истории. Однако человек Средневековья всегда оставался составной частью определен-

ной социальной группы, вне которой он не имел ни прав, ни обязанностей.

К этому времени большая семья постепенно вытесняется малой моногамной семьей, которая возобладали в экономических отношениях. Такие семьи формировались у различных слоев населения, что вело к доминированию малых семей, состоящих из двух поколений (родители – дети). Можно утверждать, что малая семья времен Русской Правды представляла собой тройственный институт, формирующийся: а) на основе договора мужа и жены; б) на кровно-родственных связях поколений; в) на договоре союза родителей с детьми (в случае их усыновления, удочерения). При этом полноценной семья считалась только при условии исполнения ею своей репродуктивной функции, важнейшей по представлению древнерусского человека.

Ослабление родовых связей, возрастание роли частной собственности и малой семьи в соседской общине, выступление князя в регулировании общественных отношений на место родственного коллектива – «свидетельство деградации этих родственных союзов, то есть глубокого и системного кризиса родового строя, время которого зафиксировала Древнейшая Правда, составленная вскоре после вокняжения в 1016 г. Ярослава в Киеве и отразившая социальные сдвиги, происходившие в Киеве и Новгороде на рубеже X и XI столетий» [14, с. 171]. В отношении малой семьи прекращает действовать важная формула: члены рода обладают одной исторической судьбой. Малая частная семья с начала XI в. начинает выходить из родовой общности.

Правда Ярослава, несомненно, относится ко всем слоям населения Древней Руси переходного периода, а не является «договором» с варягами, включает в качестве действующих лиц представителей всех автохтонных (своих, исконных) и аллохтонных (пришлых, инородных) слоев общества, которые вступают в разные отношения с другими жителями Древней Руси. Все эти отношения так или иначе сказываются на бытии их семей.

Нельзя сужать значение Русской Правды до проблем управления и установления порядка между властью и подданными. Так, Л.В. Черепнин считает, что Правда Ярослава является договором, «по которому в ре-

зультате ограничения самоуправства вооруженной корпорации варяжской дружины должны были получить гарантии местные интересы» [15, с. 245]. Но при таком понимании данного документа резко сужается его значение общего свода норм жизни для общества и семьи того времени. Хотя понятно, что государственные и местные интересы были сильно связаны с интересами семей и не могли успешно реализоваться изолированно.

Интересы семьи прослеживаются во всех вариантах Русской Правды, отражая понимание значения основной ячейки общества, которая представляет собой опору власти, ведет домашнее хозяйство и развивает товарное хозяйство. Понимание важности сохранения и защиты семьи как основы общества заставляло включать в кодекс соответствующие правовые нормы. На это обращал внимание П.А. Флоренский: «Распадающаяся семья заражает и общество. Государство должно обязательно (создать) наиболее благоприятные условия для прочности семьи, для (прочности) должна быть развита система мер, порождающих крепкую семейственность» [13, с. 670].

Заимствованная из Византии, богатая традициями христианская церковь после ее официального учреждения на Руси в конце X в., пытаясь приспособиться к местным условиям, сама частично изменялась и опиралась на нормы отношений общины, большой и малой семьи, которые нашла на Руси. С начала XI и до XIII в. ряд норм, регулирующих институты семейных и брачных отношений, нашел отражение в Русской Правде (Краткой и Пространной редакций), в летописях, в пергаментных и берестяных грамотах. К середине XI в. в результате конвергенции древних языческих и воспринятых христианских норм оформились основы семейных и брачных отношений, которые были отчасти зафиксированы в 1051–1053 гг. в специальном кодексе, известном под названием «Устав князя Ярослава о церковных судах».

Обращение к институту семьи в Правде Ярослава Мудрого

Краткая редакция Русской Правды является древнейшей, охватившей исторические

границы XI в., хотя состоит из документов разных времен, начиная с 1016 г.: «Суда Ярослава Владимировича» («Правда Ярослава»), статьи 1–18; «Правды Ярославичей», статьи 19–41; «Покона вирного», статья 42; «Урока мостников», статья 43.

Обращаясь к статье 1 Краткой Русской Правды по Академическому списку середины XV в. (КРП), обнаруживаем формулу наказания за убийство мужа. Из приведенного текста уже этой статьи видна развитая система родства в древнерусской семье, разнообразие ее состава и сложность родственной структуры, разделение функций и статусов между ее членами, поскольку упоминаются муж (отец), сын, брат, сестра, племянник, что предполагает наличие жены убитого, родителей жены и мужа. Здесь речь идет о прямых родственниках потерпевшего. Правовые отношения строятся с учетом актуального баланса экономических интересов государства и семьи, приобретая разные формы – *виры* (штраф в пользу князя, государства) и *головничества* (возмещение ущерба частному лицу, семье). Русская Правда, защищая институциональные скрепы семьи, противостоит разрушающим ее воздействиям убийства, разбойства, воровства, краже и порче семейного имущества.

Важно, что в случае отсутствия мстителя или его нежелания мстить, за убитого мужа (с учетом его положения в обществе) его родственники должны получить особое возмещение в форме головничества. Позднее размер головничества устанавливался в интервале от 5 до 80 гривен (статьи 1, 18, 21, 23). Головничество, выступающее инструментом реализации института семьи, не было штрафом в пользу государства, как *вира*, хотя его размер был социально дифференцирован согласно социально-экономическому статусу убитого. Если за убитого княжеского мужа или боярина размер штрафа был самым высоким, а за убийство свободного человека более низкого статуса, вплоть до крестьянина, в 2 раза меньше, то за убийство холопа платили штраф в 16 раз меньше первого. При учете социальной дифференциации подтверждалась защита всех семей Древней Руси.

Таким образом, вместо мести, которая разрешалась Русской Правдой и производи-

лась по судебному решению, в новых условиях семье предлагалось получить денежное возмещение нанесенного ущерба в связи с потерей основного или перспективного кормильца и владельца имущества (части или всего), производителя и/или управителя. Мечь не давала перспектив возмещения ущерба, означала преобладание эмоционального отношения к событию над его рациональной оценкой в выборе решения при нанесении ущерба семье. Мечь обычно приводила к распаду семьи потерпевшего или ответчика, не способствовала ее сохранению и воспроизводству. Возмещение ущерба эту возможность предоставляло. По расчетам современных ученых в то время за 40 гривен можно было купить 20 коров или 200 баранов.

Потеря семьей ее важного активного члена, имеющего признанный общественный статус, была очень существенна для ее настоящего и будущего благополучия, противоречила интересам как семьи, так и государства. Для семьи сужалась субъектная база и общая рабочая сила ее расширенного воспроизводства, перспективы роста ее имущества и могущества. Для государства сокращался объем производства, оборот товаров и размер доходов, а при продолжении кровной мести между семьями – число подданных и данников. Русская Правда показала, что мечь как способ разрешения сложной конфликтной ситуации становилась для семьи и государства экономически несостоятельной. Она должна была уступить место возмещению ущерба воспроизводству этих институтов в условиях развития товарного хозяйства.

В статье 2 КРП впервые возникает термин «обида», под которым некоторые исследователи готовы понимать штраф в пользу князя. Однако это толкование опровергается самим текстом, где слова «*взяти емоу за обиду*» относятся к потерпевшему человеку, чтобы возместить ущерб ему и его семье. Ведь *обида* подразумевает нанесение известного ущерба лицу и группе связанных с ними родственными или иными узами лиц. При этом возмещение ущерба разделяется с *мздой*, платой за услугу лечения потерпевшего, не снижая плату за обиду. Понятие обиды имеет особое значение для всей судьбы Русской Правды до ее замены Судебником Ивана III

в 1497 г., где главным становится понятие «*лихое дело*», которое имеет отношение больше к нарушению норм закона и государства [11]. Тема предпочтения возмещения ущерба месту видна и в статье 3 КРП.

В статье 5 КРП рассматривается частичный ущерб, который может быть нанесен семье в случае увечья ее члена, и возможность семьи решить вопрос о возмещении ущерба. В статье 6 КРП сказано о возмещении частичного увечья руки. Здесь явно присутствует стремление удовлетворить интерес семьи путем возмещения ущерба при неполном увечье ее члена. Обида в Русской Правде отражает не только нанесение личного, но и семейного ущерба, что очень важно с точки зрения его оценки и возмещения в перспективном плане. Это возмещение введено не только для отдельного пострадавшего, но и для его семьи, поскольку оно явно рассчитано по опыту последствий сокращения его участия в домашнем хозяйстве и ущемления интересов его чад. Оно рационально определено и имеет четкую дифференциацию для руки, ноги или пальца пострадавшего.

Особо выделяются обиды институционального значения (статьи 6–8 КРП), касающиеся глав семей и старших сыновей, поскольку предусмотрен повышенный штраф за повреждение, нанесенное усам и бороде, которое оценивается дороже отрубленного пальца, наравне с наиболее тяжелым оскорблением.

В статьях 11–15 и 17 КРП рассматриваются ущербы, связанные с кражей и порчей имущества, умыканием холопа, невозвращенным долгом, предусматривающие возврат краденого имущества, выплату долга, головничества и возмещение ущерба. В статье 12 читаем: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порть, а познаеть въ своемь миру, то взяти емоу свое, а 3 гривне за обиду». Речь идет о судебном разбирательстве внутри самого «мира», под которым могла пониматься как крестьянская община, так и большая семья, улица или сторона в Новгороде, поскольку речь идет о вещи, обнаруженной в «своем» мире. Отношения собственности здесь уже не разделены иерархически, а защищаются равноправно. Понятно, что фигурирует не только защита личной собственности, но и защита домашнего хозяйства, где

конь, оружие и одежда были важными предметами производства и безопасности.

При этом статья 13 запрещает самовольно отнимать пропавшие (украденные, удержанные) вещи и предлагает владельцу или истцу идти на свод для законного возвращения объектов его собственности. Ему предлагается обратиться к миру, использовать общественные инструменты свода, извода, поруки (институций свидетельства, производства, поручительства), которые раскрывают связи и границы прав семьи и общины, необходимость их добрых отношений, что в сложной ситуации обеспечит семье защиту ее имущественных прав и претензий общиной. Свод, извод и поруку может дать община, но не семья. Свод заключался в свидетельстве, извод – в следствии по возникшему делу. Порука означала, что община берет на себя консолидированное возмещение ущерба, нанесенного ее членами и их семьями. К защите семьи государством привлекалось общество.

Статья 14 означает защиту собственности участников в заемных операциях, которые были развиты вследствие возникающих довольно часто проблем в товарно-денежных отношениях. При взыскании денег с того, кто отказывается признать долг, истцу следует идти на суд двенадцати человек. И если должник, обманывая, не отдавал, то истец имел право получить свои деньги и за обиду (еще 3 гривны). Понятие «скот» используется в данных статьях не в современном смысле, а в расширенном варианте, как имущество и деньги семьи вообще, которыми можно уладить споры или возместить тяжбы. Теперь уже и малая семья отвечает за поступки своих членов всем своим имуществом, что убедительно доказывает связь семьи с деяниями ее членов и отражение их результатов на ее благосостоянии.

Позднее рациональный подход стал доминировать: при дополнении Русской Правды сыновьями Ярослава Мудрого была отменена смертная казнь за уголовные преступления, и ее заменили возмещением (выкупом) ответчика, что было выгодно и семье, и государству. Дальнейший анализ этих процессов и отношений требует специального исследования с привлечением дополнительных источников и материалов.

**Регулирование института семьи
в Правде Ярославичей
и поздних дополнениях**

Русская Правда, уделяя большое внимание вопросам собственности и защите имущественных прав привилегированных слоев населения, тем не менее отражает правовое положение и других слоев населения, как свободного, так и зависимого. Этот документ в своем развитии содержит сведения о составе семьи, о статусе и имущественных отношениях супругов, об институте наследства, об имущественном положении дочерей и вдов, о причинах и процедуре установления и прекращения опеки, а также о правах и обязанностях опекунов.

Статья 20 КРП прямо защищала имущество семей огнищан (средних или мелких землевладельцев) и тиунов (управляющих имениями), а также других «княжеских мужей» – людей, дружинников разного статуса (статья 21). В ней содержится позволение убивать напавшего на огнищанина и тиуна, захваченного на месте преступления («татьбы»), которое совершено «оу клети, или оу коня, или оу говяда, или оу коровье», то есть в границах хозяйства: в сенях, амбарах, кладовых и загонах; возле коней; рядом с животным скотом (бычки, коровы). Огнищане представляли и возглавляли наиболее зажиточные и многочисленные семьи, были основой княжеской власти и агентами формирования казны. Защита их жизни и имущества выражала не только непосредственный интерес князя в безопасности своих слуг, но и в защите их семей как источника будущей стабильности и благополучия государства.

Однако и «нижние, коренные, слои составляют необходимое условие функции (питание, размножение, речь, основные виды орудия и оружия, формы социальной организации и т. д.). Нарушение этих условий ведет и к прямому разрушению организма. Однако высшие слои, представляющие надстройку над соответствующими функциями, непосредственно не участвующие в осуществлении этих функций, не могут быть отрезываемы от низших слоев, не причиняя тем глубокого и непоправимого, хоть и не непосредственного и потому не «мгновенного» ущерба соответствующим функциям» [13, с. 671].

Русская Правда, эволюционируя, расширяет семейный аспект своего содержания. При этом разрастается и институциональная характеристика семьи: изменяются, дополняются и уточняются социальные формы закрепления функций ее членов, что выражается во вменении им и регламентации определенных действий по обеспечению возможно максимальной меры устойчивости ее воспроизводства.

Пространная редакция Русской Правды уже включает нормы, регулирующие процесс совместного владения имуществом супругов и его раздела в случае распада семьи. По объему Пространная Правда (121 статья с дополнениями) почти в 5 раз больше Краткой. Статьи 1–52 именуется как «Суд Ярослава», статьи 53–121 – как «Устав Владимира Мономаха». Нормы Пространной Правды действовали до татаро-монгольского ига на Руси и в первый его период.

Малая семья стала основной единицей производственной и хозяйственной жизни, локализованной в отдельном доме. Понятием дома первоначально обозначалась вся сфера семейного бытия и имущества ее непосредственного владения, не только родового, но и приобретенного в процессе хозяйствования. Дом и домашнее хозяйство стали имущественными воплощениями института семьи, противопоставленного внешнему миру. Со временем слово «дом» начало обозначать постройку, вмещавшую семью как часть хозяйства семьи, связанную с ее домом. Общий дом на Руси был важнейшей частью хозяйства. Так возникла особая институция – домоводство и современная категория – домашнее хозяйство.

Следствием внедрения Русской Правды, в русле рассуждений М.Ф. Владимирского-Буданова, стало распространение института брака не посредством похищения или выкупа (за «вено»), а путем согласованного приведения невесты, с принесением за ней приданого. Признавались права жены на одежду, украшения и другие личные вещи, подаренные ей или приобретенные лично, формирование принципа общности прав на имущества обоих супругов, что вело к снятию рабского положения с жены в семье [1, с. 480–483]. Материальной основой дома стало имущество мужа и жены.

В эволюции имущественных отношений между супругами времен Русской Правды еще представляется невозможным четко разграничить стадии (передача имущества супруги мужу, общность семейной собственности и затем ее раздельность) в силу переходного характера общества. Основная часть движимого имущества семьи (орудия труда, скот, оружие, утварь и др.) являлась собственностью мужа. Жена не могла претендовать на имущество мужа, нажитое в их совместном хозяйствовании, поскольку была отдана ему на содержание. Однако она и в браке обладала частью собственности, полученной ею в приданое от родителей и родственников из большей семьи.

Приданое как частная форма имущества возникает при переходе к классовому обществу, когда большая семья уже изживает себя, но брак еще не рассматривается как стойкий и трудно расторгимый институт, каким он стал в более поздний период в сформировавшемся классовом обществе. Объектами приданого обычно были украшения, одежда, обувь, предметы культа, бытовые принадлежности и прочее, что получала невеста от своих родителей и приносила в дом к жениху. Оно становится особым залогом возможности ее существования вне хозяйства будущего и/или бывшего мужа: невеста входила с этим имуществом и в новую семью в том случае, если ее старый брак расторгался или ее прежний муж умирал [16, с. 216]. Это довольно ранняя персонифицированная форма частного (личного) имущества, выразившая общественные отношения собственности на уровне малой семьи. После смерти жены в институцию наследства ее приданого включались только ее собственные дети, но не муж или новые члены семьи. Формирование частной крестьянской собственности на землю в Древней Руси значительно задерживалось там, где оказывалась сильной традиционной коллективной собственница — сельская и соседская община — тормозившая процесс имущественной дифференциации и образования классов в деревне.

Между супругами существовали обязанности по взаимному содержанию. Ни муж, ни жена не имели права оставить друг друга, если один из них был тяжело болен: «Если будет у жены тяжелый недуг, или слепота, или долгая

болезнь, то ее нельзя оставить: также и жена не может оставить мужа» (Устав князя Ярослава). Здесь, очевидно, речь идет не о формальном разводе, после которого супруг имел право вступать в новый брак, а лишь об оставлении супруга без помощи. Право решать внутрисемейные вопросы, касавшиеся отношений между мужем и женой, а также жены с окружавшим ее миром, как и право наказания за проступки, принадлежало мужу.

Развод супругов в Древней Руси допускался. Ему предшествовало судебное разбирательство с привлечением свидетелей. Признаваемыми причинами могли быть только: измена жены, физическая неспособность мужа к браку, смерть одного из супругов. Позднее причины развода были больше дифференцированы и оценены с помощью различных выплат государству, церкви и разведенным членам семьи или их представителям.

Институции опекунов и наследства также получили свое развитие только с установлением и закреплением в Русской Правде верховенства родства и семейного начала. Обычаем и нормой утверждается и закрепляется внутрисемейный принцип наследования, вступавший в силу в случае смерти главы семьи, приводившей последнюю к распаду. Судя по нормам Русской Правды, право на наследование имели только нисходящие родственники (дети и внуки).

Несмотря на то что степень «официальности» Пространной Правды неизвестна, как и точные границы ареала действия ее норм, она особенно интересна в аспекте регулирования собственности на имущество семьи как экономической основы ее воспроизводства. В статьях изложены нормы, регулирующие процесс совместного владения имуществом супругами и его раздела в случае распада семьи: обеспечения дочерей после смерти отца, если они не замужем (85–86); раздел имущества отцом для наследников при его жизни и после смерти без завещания (87); обеспечение и лишение наследства вдовы, второй жены и детей от первой жены (88); обязательства братьев перед сестрой после смерти их отца (89); обязательства матери перед малолетними детьми и их обеспечение при потере их отца, ограничения по наследованию (92–94) и др.

При отсутствии возможностей исполнять функции сохранения института семьи ее членами (мать, старшие дееспособные дети мужского пола, родители супругов, боковые родственники и др.) на внутреннем уровне включались субъекты внешнего уровня (князь, церковь, бояре, община, старшие родственники и др.). Внешние субъекты определяли и реализовывали общие установленные Русской Правдой правила институционального регулирования в отношении конкретной семьи и осуществляли необходимые алгоритмы действий с сопутствующими издержками и платежами. Особое значение приобретают нормы (статьи 95–98), связанные с последствиями для семьи со стороны негативного и оппортунистического поведения матери.

Только после этих важных норм регулирования института семьи через права ее непосредственных членов в статье 100 говорится о наследовании имущества братьями. Плата за передачу князем наследства братьям подтверждает их вторую очередь в его интересах, а возможность такого наследования говорит о наличии его интереса в воспроизводстве и благополучии их семей. Этому служит и то, что ответственность за кражу не распространялась на семью вора, не знавшую о краже (статья 115), что защищало ее от разорения и обнищания.

Заключение

Все эти добавленные позднее в Русскую Правду статьи ее Пространной редакции, связанные с регулированием воспроизводства семьи, красноречиво подтверждают осознание роли семьи как важнейшей ячейки общества и основы мощи государства. Конечно, остается признать, что источники Древней Руси показывают неполную, лишь отраженную законодателями, характеристику института семьи, поэтому строить новые выводы о бытовавших порядках можно только опираясь на различия института и институций семьи, раскрывая способы ее регулирования через систему методов и инструментов, понимая, насколько реальность была богаче существующих концепций. Однако материал Русской Правды может служить платформой для получения новых знаний об институте семьи в Древней Руси XI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М. : Территория будущего, 2005. – 800 с.
2. Иншаков, О. В. Введение / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов // Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.) : в 2 т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – Т. 1. – С. 6–40.
3. Иншаков, О. В. Институт и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции / О. В. Иншаков // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 3 (50). – С. 26–38.
4. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин. – М. : Наука, 1989. – Т. 1. – 640 с.
5. Кули, Ч. Первичные группы / Ч. Кули // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. – 560 с.
6. Лопушанская, С. П. Обратный словарь к словарю древнерусского языка (XI–XIV) / С. П. Лопушанская, Е. М. Шептухина. – Волгоград, 2000. – 295 с.
7. Омелянчук, С. В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков / С. В. Омелянчук. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – 118 с.
8. Послание Президента Федеральному Собранию (1 дек. 2016 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>. – Загл. с экрана.
9. Разумов, И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII – 1-й половины XIII в. / И. Разумов. – 2016. – 140 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/ivan-razumov-9878008/semya-v-drevney-rusi-o-semeynyh-otnosheniyah-u-vostochnyh-slavyan-i-rusov-viii-1-y-poloviny-xiii-vv/chitat-onlayn/>. – Загл. с экрана.
10. Рейц, А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. – М. : Унив. тип., 1836. – 414 с.
11. Соляниченко, А. Н. Судебник 1497 года / А. Н. Соляниченко // История и археология. – 2013. – № 8. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://history.snauka.ru/2013/12/825>. – Загл. с экрана.
12. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
13. Флоренский, П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1996. – Т. 2. – 877 с.
14. Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 512 с.

15. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков : в 2 ч. / Л. В. Черепнин. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Ч. 1. – 469 с.

16. Щапов, Б. Н. Брак и семья в Древней Руси / Б. Н. Щапов // Вопросы истории. – 1970. – № 10. – С. 216–219.

17. Эверс, И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс. – СПб. : Типография Штаба отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. – 422 с.

REFERENCES

1. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 800 p.

2. Inshakov O.V. Vvedenie [Introduction]. Inshakov O.V., Frolov D.P. *Institutsionalizm v rossiyskoy ekonomicheskoy mysli (IX–XXI vv.): v 2 t.* [Institutionalism in the Russian Economic Thinking (9th – 21st Centuries): in 2 vols.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002, vol. 1, pp. 6–40.

3. Inshakov O.V. Institutsiya i institut: problemy kategorialnoy differentsiatsii i integratsii [The Institution and the Institute: Issues of the Categorical Differentiation and Integration]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2010, no. 3 (50), pp. 26–38.

4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 12 t.* [The History of the Russian State: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 1. 640 p.

5. Kuli Ch. Pervichnye gruppy [Primary Groups]. Dobrenkov V.I., ed. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl: teksty* [American Sociological Thought: Texts]. Moscow, Mezhdunar. un-t biznesa i upravleniya Publ., 1996. 560 p.

6. Lopushanskaya S.P., Sheptukhina E.M. *Obratnyy slovnik k slovaryu drevnerusskogo yazyka (XI–XIV)* [Reverse Vocabulary to the Dictionary of Ancient Russian Language (11th–14th cc.)]. Volgograd, 2000. 295 p.

7. Omelyanchuk S.V. *Brak i semya v Drevney Rusi IX–XIII vekov* [Marriage and Family in Ancient Russia of the 9th – 13th Centuries]. Vladimir, Izd-vo Vladim. gos. un-ta, 2010. 118 p.

8. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu (1 dek. 2016 g.)* [Presidential Address to the Federal Assembly (December 1, 2016)]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

9. Razumov I. *Semya v Drevney Rusi. O semeynykh otnosheniyakh u vostochnykh slavyan i rusov VIII – 1-y poloviny XIII v.* [Family in Ancient Rus. About Family Relations among the Eastern Slavs and Rus of the 8th - 1st half of the 13th Century]. Moscow, 2016. 140 p. Available at: <https://www.litres.ru/ivan-razumov-9878008/semya-v-drevney-rusi-o-semeynyh-otnosheniyah-u-vostochnykh-slavyan-i-rusov-viii-1-y-poloviny-xiii-vv/chitat-onlayn/>.

10. Reitz A. *Opyt istorii rossiyskikh gosudarstvennykh i grazhdanskikh zakonov* [Experience of the History of Russian State and Civil Laws]. Moscow, University Printing House, 1836. 414 p.

11. Solyanichenko A.N. Sudebnik 1497 goda [Code of Laws of 1497]. *Istoriya i arkheologiya*, 2013, no. 8. Available at: <http://history.snauka.ru/2013/12/825>.

12. Tikhomirov M.N. *Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy* [Textbook for Studying Russkaya Pravda]. Moscow, MGU Publ., 1953. 192 p.

13. Florenskiy P.A. *Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustroystvo v budushchem. Sochineniya v 4 t.* [The Alleged State System in the Future. Works in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1996. 877 p.

14. Froyanov I.Yu. *Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavyan* [Slavery and Tributaryness of the Eastern Slavs]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1996. 512 p.

15. Cherepnin L.V. *Russkie feodalnye arkhivy XIV–XV vekov: v 2 ch.* [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries: in 2 parts]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1948. 469 p.

16. Shchapov B.N. Brak i semya v Drevney Rusi [Marriage and Family in Ancient Rus]. *Voprosy istorii*, 1970, no. 10, pp. 216–219.

17. Evers I.F.G. *Drevneyshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii* [Ancient Russian Law in Its Historical Disclosure]. Saint Petersburg, Tipografiya Shtaba otdelnogo Korpusa Vnutrenney Strazhi, 1835. 422 p.

REFLECTION OF THE EVOLUTION OF THE FAMILY INSTITUTION
IN *RUSSKAYA PRAVDA*

Oleg Vasilyevich Inshakov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Director of Scientific Research Institute of Social and Economic Development of the Region,
Volgograd State University
interec@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The problems of maintaining conditions of expanded reproduction of family as a basic unit of society remain relevant in the Russian state policy for a millennium. An important example of this gives the first written code of laws *Russkaya Pravda*, in which the standards reflecting the interests of the institutions of state and family harmonization had been recorded and developed from the beginning of the 11th century. The evolution of this document from *Russkaya Pravda* by Jaroslav Mudryj (not earlier than 1016) to *Russkaya Pravda* by the Jaroslavichi (about 1072) and later, discloses the change of status, importance and role of small family in a period of transition from heathenism to Christianity, strengthening rational basis of economy, weakening tribal relations within large families, and rejecting the outdated forms of marriage.

The analysis of *Russkaya Pravda* reveals the systemic complexity of family as a complicated institution, resulting from a combination of a plurality of specific institutions in the framework of this primary group of society organization is manifested. It is reasonable to allocate institutions of different levels in the system of family relations. These institutions are implemented by its members, have fixed status, ensure system's safety, and contribute to sustainable and expanded reproduction.

The evolution of *Russkaya Pravda* shows awareness of increasing importance of family reproduction for preserving the quality and quantity of people as a natural and social foundation of the state, and as a decisive factor of strengthening the ancient Rus. Protection of family members and property is becoming the priority of state policy under the pressure of complex social processes.

Russkaya Pravda has considerable heuristic potential for systemic institutional analysis of the family's structure, functions and forms in ancient Rus in the 11th century. Implementing systemic institutional research of a family in the old Russian society involves the increased use of multi-disciplinary approach and application of universal evolutionism methodology.

Key words: *Russkaya Pravda*, institution of family, institutional regulation, housekeeping, reproduction, preservation of the people.